

Моим родителям, Мун Хедже и Чо Мюндже

Предисловие

Перевод стал одним из ключевых понятий, спровоцировавших переосмысление интерпретаций и представлений о разнообразных культурных феноменах в сфере исследований литературы и культуры. И все же, несмотря на возрастающее понимание формирующей роли перевода, переводная литература до сих пор по привычке считается производной от источника, другими словами, не столь оригинальной, как исходник. Набор правовых режимов, окружающих современное авторское право, — одно из проявлений подобного убеждения и свидетельство его господства. При чтении иностранной литературы мы часто упускаем из виду работу переводчика, а переводы иностранных произведений вряд ли уместно включать в канон литературной истории той или иной страны. Однако период формирования современной литературы в Восточной Азии на рубеже XX века предлагает другой взгляд на перевод. В это время он рассматривался как что-то творческое и аутентичное — наравне с другими видами прозы, как художественной, так и нет. Для многих ведущих интеллектуалов Восточной Азии тех дней перевод стал важным способом воздействия на литературный и социальный дискурсы. В книге «Забывтая история перевода» исследуются значения и функции перевода, оказавшие влияние на современную национальную литературу в период ее становления; таким образом, литература переосмысливается как часть динамического процесса согласования иностранных и местных ценностей. Перевод не был дополнением к национальной литературе — он был ее сутью. Исследуя, как корейские интеллектуалы начала XX века переводили и присваивали (appropriated) русскую прозу, я стремлюсь подчеркнуть, что перевод является радикальной и непременной частью процесса

формирования современной национальной литературы, а не просто катализатором или дополнением к нему. Это поможет подтолкнуть к переосмыслению того, как развивалась современная литература в Корее и Восточной Азии. Национальные каноны часто основаны на амнезии относительно процесса их формирования, но если подходить с самого начала к литературе как к процессу, а не объекту, то это позволит точнее и более комплексно понять становление национальной литературы в Восточной Азии и, возможно, предложит модель, подходящую и для ситуации в современной мировой литературе.

Данное исследование пересматривает роль перевода в формировании современной литературы: я анализирую, как в начале XX века, в процессе создания собственной современной литературы, в колониальной Корее через посредничество японских косвенных переводов присваивали русскую литературу. Перевод был неотъемлемой частью формирования современной литературы во многих странах, и Корея не исключение. Писатели присваивали иностранную литературу для создания народного языка, а также использовали ее и литературных деятелей для создания новой публичной роли писателя в обществе. В рамках этого проекта русская литература была важным примером социально ангажированной литературы в условиях авторитарного режима; в Корее начала XX века ее переводили чаще других, не менее значимой она была и для других стран Восточной Азии.

Однако переводы на корейский делались при посредничестве японского языка и японской культуры. Первый опыт чтения русской литературы большинства корейских авторов структурировался колониальными отношениями между Кореей и Японией (1910–1945). Дело в том, что лишь немногие корейские интеллектуалы могли переводить напрямую с русского, а японские переводы русской литературы в большинстве случаев были доступны, так что корейские авторы в основном переводили и адаптировали японские версии. Таким образом, выбор японцев — что и как переводить из русской литературы — во многом предопределил ее рецепцию в Корее. Применяя исторический и текстуальный анализ русских произведений, пришедших в Корею через Япо-

нию, я утверждаю, что перевод был активной и творческой формой интеллектуальной работы, с помощью которой колониальные интеллектуалы взаимодействовали с окружающей их социополитической реальностью. Использование корейцами русской литературы сформировало часть сообщества интеллектуалов в Восточной Азии — сообщества, которое особенно выделяется схожим применением русской реалистической прозы в процессе развития национальной социально ориентированной литературы.

Хотя перевод являлся неотъемлемой частью и важным процессом в формировании и концепта (или сознания), и сути национальной литературы, его роль была преуменьшена и забыта — а то и намеренно устранена историческим нарративом, представляющим развитие национальной литературы как независимое явление. В освобожденной Корее начиная с 70-х и до начала 90-х годов XX века интеллектуалы спорили — открыто и завуалированно — о том, насколько автономно развитие современной корейской литературы и была ли она продолжением премодерных традиций. Теории о самостоятельном создании, которая делала акцент на внутренней логике развития современной корейской литературы, вновь стало уделяться внимание в начале 1990-х — на фоне споров о настоящей отправной точке — споров, главной целью которых было обнаружение зачатков современной литературы в традиционной, не затронутой колонизацией.

Такой националистический подход можно рассматривать как значимую и даже неизбежную часть процесса, в ходе которого национальная литература, испытывавшая полукolonизацию, пытается восстановить культурный суверенитет. Проблема в том, что, настаивая на этой теории, корейские исследователи тем самым принижали значимость иностранной литературы, японского посредничества и, как следствие, самого перевода — все из-за предположения, что литературное влияние показывает недоразвитость литературы и, более того, слабость нации. Вместе с этим данный подход не дает исследователям напрямую подойти к вопросу о колониальном наследии и его влиянии на их собственную научную работу. Однако в 2000-х годах специалисты

из Кореи и Америки, занимающиеся изучением Кореи, стали уделять все больше внимания проблеме перевода в современном корейском обществе. Эта тема заинтересовала тех, кто пытается понять фундаментальные характеристики корейского социума. Книга «Забытая история перевода» предлагает новаторское исследование важных отношений между русской и корейской литературой и стремится учесть значение и функцию перевода в современной корейской литературе на этапе ее формирования.

Помимо этого, в данной работе представлена более широкая перспектива, позволяющая понять формирование современной литературы. Японские переводы русской литературы были востребованы и среди современных корейских писателей, и среди китайских авторов Движения 4 мая. На всех них воздействовал образ русской литературы как ориентированной на общество — образ, сформированный в японских литературных кругах и заметно отличающийся от западного, для которого имела значение схожесть с викторианским стилем. Русская литература особым образом повлияла на восточноазиатских интеллектуалов, ищущих новые модели для литературы и новые идеи о социальной роли писателя в эпоху больших перемен. Вне зависимости от того, откуда были авторы — из колонии (Корея), полуколонии (Китай), империалистического государства (Япония), они пытались предложить новый взгляд на мир для общества; русская литература была воспринята лучше всего антиимпериалистически настроенными интеллектуалами не только в Корее и Китае, но и в Японии. Японские антивоенные авторы времен Русско-японской войны (1904–1905) и пролетарские писатели 1920–1930-х годов привычно обращались к русским реалистам XIX века. Это говорит о том, что русская литература была частью восточноазиатского антиимперского космополитизма в начале XX века. В свете отношений, которые выстраивались при помощи русской литературы, книга «Забытая история перевода» призвана углубить наше понимание и восприятие литературного опыта, общего для авторов Восточной Азии, для которых Россия стала значимым «Другим» в процессе формирования современной литературы их стран.

Помимо рассмотрения азиатской литературы, данная книга представляет собой вклад в исследование перевода и (колониального) посредничества. Благодаря переосмыслению перевода в понятиях переписывания и преломления, а не отражения и имитации, переводоведение делает акцент на целевой культуре. Мое исследование помогает лучше понять отношения между переводом и процессом становления национальной литературы: я утверждаю, что важность творческой силы перевода постепенно вытеснялась из истории литературы ради укрепления позиций национальной литературы. Это также относится и к сфере изучения посредничества — в моем случае это анализ косвенных переводов и медиации в отношении культурной передачи между Россией и Кореей.

Основываясь на достижениях предыдущих исследований, эта работа стремится выйти за пределы парадигмы национальной литературы, при этом оставляя место для агентности и важных локальных смыслов. Достижение этого возможно благодаря фокусу на конструктивных процессах, которые перевод влечет за собой. Я надеюсь, что книга «Забытая история перевода» также внесет вклад в гуманитарные науки и послужит отправной точкой для всесторонних исследований формирования современной литературы в глобальном масштабе, перемещений культурного капитала, колониальных исследований и — шире — исследований письма и авторства.

Благодарности

Эта книга стала реальностью только благодаря помощи большого количества людей. В ее основе лежит моя диссертация, поэтому в первую очередь я хочу поблагодарить профессоров Университета Чикаго, которые вдохновляли и поддерживали меня на протяжении многих лет: Чхве Гёнхи, Норму Филд, Брюса Камингса, Майкла Бурдагса и покойную Анну Лизу Кроун. Я также признательна за щедрую помощь и размещение, которые предоставили мне на начальных этапах проекта исследователи из Японии и Кореи: Кодзима Наоко, Хотэй Тосихиро, Ватанабэ Наоки, Чон Гынсик, Ким Юнсик, Ким Вегон, Ким Мёнхван, Ким Хынгю, Ким Чэён и Ли Сангён.

Большую поддержку мне оказали коллеги и друзья из Университета Вашингтона (факультет азиатских языков и литературы), Центра гуманитарных наук Симпсона (программа корееведения, текстологии), из Исследовательского кластера переводоведения и Библиотеки Восточно-Азиатской литературы. Огромную пользу мне принесли беседы с Тедом Маком, Кларком Соренсеном, Кэтлин Вудворд, Давиндером Бхоумиком, Крисом Хаммом, Нам Хвасук, Полом Аткинсом, Дженнифер Дуброу, Висенте Рафаэлем, Синтией Стил, Ли Хёкён и многими другими. Я также должна поблагодарить всех тех, кто на протяжении многих лет давал комментарии и предложения в рамках конференций, воркшопов и лекций, включая Криса Хилла, Джона Трэта и Катерину Кларк.

Эта книга появилась благодаря щедрой поддержке — стипендии НФГН (Национального фонда гуманитарных наук) для университетских преподавателей (при этом любые мнения, выводы, заключения или рекомендации, выраженные в этой книге,

не обязательно отражают точку зрения НФГН); стипендии АСНО (Американского совета научных сообществ); премии Исследовательского фонда авторских прав; стипендии Общества ученых Центра гуманитарных наук Симпсона при Университете Вашингтона и стипендии постдокторантуры Совета по изучению Восточной Азии при Йельском университете.

Я благодарна «Женскому журналу Америка — Япония» за разрешение опубликовать часть третьей главы.

Моим друзьям — Минхеа, Суён, Джиын; без них написать эту книгу было бы намного труднее.

Моей семье — родителям, сиблингам, племянницам и племянникам — они поддерживали меня своей любовью на протяжении долгого путешествия. Особая благодарность моему мужу Джастину — самому внимательному читателю и другу, и моей дочери Терин, благодаря которой я смеюсь каждый день.

Заметки о транслитерации и именах

Для записи корейских слов использовалась система Концевича, для японских — система Поливанова, для китайских — система Палладия.

Корейские, китайские и японские имена пишутся в таком порядке: фамилия, имя. При последующем упоминании восточноазиатского имени я использую фамилию. Однако в случае с известными японскими авторами, которых часто называют по имени, я следую этому обычаю и использую имя, а не фамилию при повторном обращении. Так, например, я пишу Сёё при упоминании Цубоути Сёё.

Введение

Перевод и создание современной литературы

Перевод — это способ создания новых смыслов и проводник изменений в обществе. Это подлинно творческая деятельность, роль которой становится особенно заметна на фоне важных исторических и культурных изменений в обществе, как и было в Корее начала XX века. Корейские интеллектуалы, настойчиво ощущавшие груз ответственности в эпоху империализма, рассматривали литературу как воплощение независимого духа народа и символ новой развивающейся цивилизации. Благодаря литературным переводам корейские интеллектуалы могли активно участвовать в социальных и интеллектуальных преобразованиях страны с начала колонизации. Они переводили и адаптировали, проявляя авторскую изобретательность, — с целью создания формы современной литературы, которая отвечала бы исторической ситуации в их обществе. Обычно считается, что переводу недостает творчества и аутентичности так называемого оригинала, и переводческая деятельность не богата историей, свидетельствующей о ее значениях, функциях и ожиданиях в разные периоды и в разных обществах. Однако я покажу, что подобные идеи созданы современным концептом национальной литературы, которая сама по себе является историческим конструктом.

Что значил перевод для формирования национальных литератур в Восточной Азии? Когда «литературный перевод» стал термином, обозначающим передачу иностранного произведения

на национальный язык? Что сделало переводчиков и их работу невидимой, иностранный текст — источником, а перевод — его производной? В какой момент граница между *собственной* литературой нации и иностранной стала чем-то самоочевидным — и, соответственно, когда перевод стал особым видом литературной деятельности?

Ироничны отношения между переводом и национализмом. Именно перевод стал тем медиумом, с помощью которого были сконструированы и укрепили свои позиции концепт и сущность национального языка и литературы во всем мире. При этом национализм требует коллективной амнезии происхождения, из-за которой конструирующая роль перевода была забыта. В угоду созданию более чистой нации, достойной чувства привязанности больше, чем предшествующая ей социальная и политическая реальность, национализм заставляет стереть из памяти разнообразие этнических и лингвистических истоков. Национальная литература, являясь частью этого процесса, также забыла свои многообразные корни, что неизбежно произошло и со связями с иностранной литературой. История литературы подтверждает и делает эту амнезию естественным процессом, поддерживая идею о непроницаемости границ национальной литературы, — подобные истории были популярны в Корее, особенно после освобождения, с начала 1970-х до начала 1990-х годов. Чтобы понять работу перевода в том времени и пространстве, когда национальная литература еще не успела забыть свои истоки, мы должны переосмыслить сферу перевода.

Забытая история: перевод, национализм, а также национальные язык и литература

«Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона — эпохальное исследование на тему истоков национализма. Удивительно, но, несмотря на глубину анализа, это также пример слепоты по отношению к переводу, распространенной в исследованиях национализма и национального языка. Для Андерсона вернакуля-

ризация и «фатальность языковой разнородности» — центральные пункты его позиции. Эта тема не может быть разобрана должным образом без упоминания перевода, и все же в книге он отсутствует. Андерсон объясняет основные факторы, приведшие к закату «воображаемых сообществ христианского мира» и сделавшие возможным воображение новых национальных сообществ. «Эзотеризация латыни, Реформация и спонтанное развитие административных родных языков» были для него тремя главными силами, свергнувшими старые сообщества [Андерсон 2001: 65].

Если эти три фактора повлияли на упадок латыни и, таким образом, на появление новых воображаемых сообществ, то, продолжает Андерсон, «что в позитивном смысле сделало эти новые сообщества вообразимыми, так это наполовину случайное, но вместе с тем взрывное взаимодействие между системой производства и производственных отношений (капитализмом), технологией коммуникаций (печатью) и фатальностью человеческой языковой разнородности» [Там же: 67]. Автор объясняет, что не языковая разнородность сама по себе, но именно «взаимодействие» всех трех факторов помогло вообразить новые национальные сообщества. «Печатные языки» Андерсона, которые были следствием взаимодействия между фатальностью, технологией и капитализмом, располагались между латынью и разговорными языками. Они не были лингва франка как латынь, но имели меньше вариаций, чем разговорные языки, и также образовывали поля сообщения между собой. Они позволяли людям понимать друг друга «через печать» и представляли группу людей, понимающих один и тот же печатный язык, как сообщество [Там же].

Объяснениям Андерсона на тему национализма и языков не хватает обсуждения роли перевода. Во-первых, сама вернакуляризация, которая, по словам Андерсона, сделала вклад в «становление национального сознания», появилась и как процесс, и как итог перевода. Народные языки были не записанной версией разговорных, но «переводом» письменного языка, в данном случае — латыни. Кодзин Каратани говорит:

Когда Данте писал на народном языке, это не было прямым переносом современного ему разговорного языка на письменный. Из различных идиом (Соссюр), существовавших по всей Италии, он выбрал одну. Выбранная им идиома не была стандартом — скорее, из-за того, что использование им народного языка было одной из форм перевода с латыни, его написание (*écriture*) затем стало стандартным, а остальные идиомы были низведены до статуса диалектов. То же самое верно и для французского с немецким [Karatani 1995: 17–18].

Подобное упущение в теории Андерсона характерно и для недавних исследований на тему вернакуляризации корейского и японского, в которых основное внимание уделяется процессу преодоления разрыва между устной и письменной речью¹.

Во-вторых, не только печатные языки, но и перевод был неотъемлемой частью процесса становления национального сознания. В то время как печатные языки позволяют читателям представить языковое сообщество, члены которого понимают друг друга через печать, перевод между языками позволяет читателям осознать границы сообщества. По словам Наоки Сакаи, «нам приходится переводить (или интерпретировать) один текст в другой не потому, что у нас есть две разные языковые единицы; это потому, что перевод *формулирует* языки так, что мы можем постулировать наличие двух единиц — переводящего и переводимого языков — как если бы они были автономными и закрытыми сущностями посредством *определенной репрезентации перевода*» (выделение в оригинале) [Sakai 1997: 2]. Перевод — это пространство, где неизбежно должны признаваться и обсуждаться различия между языками, которые якобы представлены как закрытые сущности. Таким образом, место, где происходит перевод, — это граница воображаемого лингвистического сообщества.

До начала обсуждения печатных языков Андерсон подчеркивает значимость роли романа в формировании национального

¹ К теме отношений между переводом и движением *гэнбун-итти* (дословно «объединение разговорного и письменного языка», кор. *онмун ильчхи*) см. [Levy 2006: 38–39].

сознания: он изменил понятие «одновременности» с вертикального на горизонтальный, и у людей появилась возможность вообразить сообщество, представив посредством чтения романов и газет, что одновременно с ними существуют другие люди и события (газеты, согласно Андерсону, это романы без связи между сюжетами) [Андерсон 2001: 47–58]. Печатный язык, необходимый для написания романа, также возник в процессе перевода иностранных языков. Таким образом, лингвистические элементы и их взаимодействие с другими элементами, введенными Андерсоном для объяснения происхождения нации и национального сознания, тесно переплетаются с проблемой перевода.

Не только концепция национального языка и литературы, но и содержательная форма национальной литературы формировалась посредством противостояния и обсуждения, присущих процессу перевода. Франко Моретти в статье «Гипотезы о мировой литературе» попытался сформулировать систему мировой литературы для объяснения связи между национальными литературами. Отправной точкой для него служат Гёте и Маркс, предвосхитившие рождение мировой литературы:

«Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению», — говорил Гёте Эккерману в 1827 г. А вот что писали Маркс и Энгельс 20 лет спустя, в 1848-м: «Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература». *Weltliteratur* — именно ее имели в виду Гёте и Маркс [Моретти 2016а: 78].

Вдохновленный Гёте и Марксом, концепт мировой литературы Моретти все же не является чем-то целостным. Существует «единая мировая литературная система (связанных между собой литератур)», но она «глубоко неравномерна». Его концепт мировой литературы как системы основан на гипотезе «миросистемной школы исторической экономики, с точки зрения которой мировой капитализм является системой, которая одновременно

едина и неравномерна: у нее есть ядро и периферия (а также полупериферия), связанные отношениями возрастающей неравномерности» [Там же: 80]. Неравномерность означает, что периферийные литературы подвергаются вмешательству со стороны литератур, расположенных в ядре, но не наоборот.

Взяв за основу наблюдение Фредрика Джеймисона о том, что «не всегда удавалось органично совместить сырой материал японской социальной действительности с формальными структурами западного романа», Моретти разрабатывает определенные правила появления современного романа в местной культуре [Jameson 1993: xiii]. Он утверждает, что

...в культурах, находящихся на периферии литературной системы (то есть почти во всех культурах — как в Европе, так и за ее пределами), роман современного типа возникает не как самостоятельное изобретение, а как компромисс между западными формальными влияниями (как правило, французскими или английскими) и местным материалом [Моретти 2016а: 85].

По его словам, компромисс между заимствованным и местным — настолько частое явление, что независимое появление романа в испанском, французском и британских случаях нужно рассматривать как исключение из правила [Там же: 90]². Под

² Основная проблема данной статьи, на которую указывали и другие исследователи, это аргумент Моретти о «самостоятельном изобретении» (autonomous development) английского, французского и испанского романов, что стало исключением в истории развития романа. Джонатан Арак опровергает это в статье «Англо-глобализм?», и Моретти соглашается в своей последней статье «Еще гипотезы», что никакого «самостоятельного изобретения» в Западной Европе не было. Таким образом, модель Моретти — ядро-периферия — теряет в силе, но его идея о том, что роман развивается в процессе компромисса, становится универсальной, охватывая все западноевропейские страны. Подробнее см. [Арас 2002: 38; Моретти 2016b: 169]. Тем не менее исследователи все еще считают диффузионистскую модель Моретти проблемной, так как она подтверждает европоцентричный взгляд и игнорирует отношения между «перифериями». Подробнее о Моретти и теориях мировой литературы см. Главу 2.

словом «компромисс» у Моретти подразумеваются сложный процесс согласования иностранной формы (иностранного сюжета), местного материала (местных персонажей) и местной формы (местного повествовательного голоса). Моретти считает местный повествовательный голос самым нестабильным из трех элементов, потому что при согласовании различий повествователь выступает в роли комментатора и оценщика. Появляются «трещины» между «историей и дискурсом, миром и мировоззрением: мир движется в неизвестном направлении, которое продиктовано внешними силами, а мировоззрение пытается это осмыслить и поэтому постоянно выходит из равновесия» [Там же: 96–97].

Меня интересуют не столько различия между этими тремя элементами, сколько сам по себе концепт компромисса Моретти. С моей точки зрения, то, что он понимает под компромиссом, есть не что иное, как перевод — и как процесс, и как его результат (то есть переведенный текст). В книге Лидии Лю о транслингвистической практике в современном Китае хорошо продемонстрированы согласование (компромисс), присущие любому акту перевода, особенно в период формирования современной литературы. Исследуя исторические связи и условия перевода, автор раскрывает сложный процесс, «в ходе которого в принимающем языке, благодаря или вопреки контактам (столкновениям) с гостевым языком, появляются, циркулируют и приобретают легитимность новые слова, значения, дискурсы и способы репрезентации» [Liu 1995: 26]. Компромисс при контакте культур — который был возможен только через процесс перевода, был незаменимым агентом в деле рождения «национальных» языка и литературы. Более того, как показывает книга «Забывтая история перевода», отнесение перевода к производным и вторичным литературным актам происходит из-за того, что национальным языкам необходимо скрывать контексты согласования, в которых они рождались.

Обзор вторичного (дальнего) чтения Моретти, посвященный рождению современных романов, намекает на то, что большинство современных национальных литератур возникло одновре-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru